

А. ОЛОНЕЦКИЙ

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КАК ОРУДИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В АБХАЗИИ

Присоединение Грузии к царской России в начале XIX века предотвратило поглощение ее шахским Ираном и султанской Турцией. Однако, народам Грузии пришлось вынести не мало страданий под гнетом царского самодержавия, рассматривавшего Грузию как свою колонию. Одним из проводников колониальной политики царизма на черноморском побережье Грузии, в частности в Абхазии, была российская официальная церковь, которая должна была внушать абхазам «понятне о порядке и благоустройстве под защitoю законного правительства»*, должна была привести широкие массы местного населения к «повиновению» российскому императору.

К XIX веку российская православная церковь, имевшая когда-то некоторое прогрессивное значение в развитии Киевской и Московской Руси, окончательно и давно уже превратилась в верного слугу российской крепостнической государственности.

В 1851 г. наместник Кавказа князь Воронцов категорически протестовал против затяжки вопроса о создании в Абхазии архиерейской кафедры, указывая, что такое «отлагательство будет весьма неблагоприятно для желаемого всеми нами дела и отдалит, может быть, надолго несомненные надежды на великие успехи для нашей православной веры и для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих диких горах всегда должны получать от распространения нашей веры»**.

Абхазская архиерейская кафедра была организована в том же 1851 г., но «великие успехи для православной веры» начались позднее — с начала 60-х годов, после того, как официально было закончено «покорение» Кавказа и было приступлено к освоению новых колониальных владений.

Церковь должна была завершить дело оружия, но она, в свою очередь, была бессильна без успехов оружия.

«В 1868—1869 годах в Абхазии, — писал епископ имеретинский Гавриил в «Обозрении Абхазских и Самурзаканских церквей в 1869 г.», — прошли крещение до 10-ти тысяч душ без малого. Такое быстрое обращение иноверцев, особенно на Кавкасе, явление не совсем обыкновенное и требует объяснений. Причин, содействующих столь многочисленным, в сравнительно короткое время, обращениям в Абхазии было много... Самою важнейшую, хотя и отдаленною по времени было покоре-

* Из письма ген.-м. Будберга.

** «Акты», т. X, стр. 231.

ние западного Кавказа, подворение русского правительства в Абхазии...»*.

Еще более откровенно говорит о подлинных причинах успешного распространения христианства в Абхазии «Отчет Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1865 г.**.

«Можно сказать, что если до сих пор новообращенные горцы держались в христианстве, то отнюдь не по убеждению в превосходстве этого учения, а единственно при содействии некоторых внешних мер».

В отчете того же Общества за 1862 и 1863 годы, как особо «отрадное явление» отмечается успех проповеди православия, которая велась русскими воинскими частями, находившимися в Абхазии — в Пицундском укреплении***.

Не трудно представить, каковы были методы такой проповеди.

Используя сохранение в Абхазии среди широких масс населения остатков христианских обычая и обрядов, пронесенных абхазами через века мусульманской агрессии, используя отвращение масс к насилиственному навязанному им султанской Турцией исламизму, представители официальной российской церкви не брезговали ничем для того, чтобы приобщить абхазские крестьянские массы к своей «пастыре», для того, чтобы внушить им «дух кротости» и подчинения колониальному управлению. Широко практиковалось задаривание деньгами и вещами желающих принять крещение, самый обряд крещения проводился сразу над целыми селениями. Против упорствующих применялись меры административного воздействия.

Вернейшими помощниками православных миссионеров в деле «восстановления» христианства в Абхазии были абхазские князья и дворяне во главе с последним «владетелем Абхазии» князем М. Шервашида.

Так, например, 14-го января (ст. ст.) 1862 г. князь М. Шервашидзе заключил договор с турецкоподданным Устабатом Караги о передаче последнему работ по «возобновлению (ремонту) моквинской церкви»****.

За «владетелем Абхазии» в деле помохи «восстановлению» христианства последовали кн. К. Шервашидзе, княгиня М. Шервашидзе, кн. Анчабадзе, дворянин Лакербая и др. За помоху «миссионерскому делу» княгиня К. Шервашидзе получила крест Общества Восстановления Христианства. Ближние князей и дво-

* Центр. архив Абхазской АССР, Фонд Имеретинской Епархиальной Канцелярии, 1869 г., № 18.

** Тифлис, 1866 г., стр. 4.

*** Отчет за 1862 и 63 г.г., Тифлис, 1864 г., стр. 15—16.

**** Центр. архив Абх. АССР., Фонд Им. Еп. Канц., 1868 г., д. № 11.

рии, по мнению миссионеров, должно было обеспечить успех проповеди христианства среди крестьян.

Епископ Гавриил в своем цитированном ранее «Обозрении Абхазских и Самурзаканских церквей за 1869 г.» так рассказывает о своей проповеди в селении Эшеры:

«...Убеждал простой народ последовать примеру своих помощников, говоря, что верно они лучше их понимают это дело».

Епископ умалчивает об успехах своей проповеди в сел. Эшеры, но признает, что подобная же проповедь в сел. Чилов, где в качестве помощника епископа выступал князь Григорий Шервадзе, «более помогала делу, чем помогла».

Параллельно с мероприятиями по распространению «духа христианской нравственности» путем крещения теми же целями определялись и другие мероприятия царского правительства в Абхазии — мероприятия по распространению «православного просвещения». Не для повышения общего культурного уровня населения ставился вопрос о распространении грамотности в Абхазии, но исключительно лишь для того, чтобы уже с детского возраста привить трудящимся покорность царю и его слугам.

В 1862 г. комиссией Общества Восстановления Христианства на Кавказе был составлен первый абхазский букварь — «на основе Кавказского алфавита» барона Услара.

В 1863 г. в Абхазии были открыты этим же Обществом первые школы. Все школы были открыты в Гальском районе (Самурзакани), в них обучалось 74 чел. В других районах Абхазии, имевших в те годы 13 церковных приходов и 11 церквей, школ не было ни одной*.

В 1864 г. в Гальском районе (Самурзакани) «на 23.000 народа населения считается теперь 269 учащихся обоего пола», причем «в удовлетворительном состоянии находится только Окумское двухклассное училище, в котором считается 68 воспитанников».

«В остальных приходах (Самурзакани) училищных зданий нет; учащиеся обоего пола, мальчики и девочки, обучаются вместе в маленьких и темных саклях священников, где и семейства их помещаются с трудом».

В других районах Абхазии (кроме Самурзакани) школ и в 1864 г. не было. «Только в деревне Тамыш у местного приходского священника учатся грамоте 4 мальчика»**.

Сохранилось описание «методов преподавания» в этих школах, задачей которых было распространение православного воспитания «сообразно с видами правительства»***. Один из учащихся в

* Отчет общества за 1862 и 1863 годы, Тифлис, 1864 г., стр. 60—62.

** Отчет Общ. Восст. Правосл. Христ. на Кавказе за 1864 г., стр. 18—20, Тифлис, 1865 г.

*** Из письма ген.-м. Будберга.

окумской школе в 60-е годы прошлого столетия — К. Мачавариани — так описывает это «лучшее» в те годы училище Абхазии:

«Учебно-воспитательное дело велось на патриархальных началах. О жаловании преподавателей, о методах преподавания, об учебниках и учебных пособиях и речи не было тогда». Еще более красноречиво пишет тот же автор о «методах преподавания» в духовном училище, куда он попал после окончания окумской школы.

«В этом памятном училище, — пишет Мачавариани, — мы подвергались почти ежедневно жестоким наказаниям, сопровождавшимся разложением избранных жертв на сырой земле в костюме прародителя нашего Адама. Лежало нас, обыкновенно, ради экономии времени по 3, по 4 пары, и в то время, когда «райская лоза», составленная из длинных тутовых прутьев, бороздила наци несчастные детские седалища, мы придумывали новые пректы похищения у соседа слив или груши. Я помню одно из таких училищ, где смотритель этого приснопамятного учебного заведения, некто Х..., находил особенное наслаждение непременно присутствовать при экзаменации детей, давая палачам разные инструкции, чтобы ни одна часть туриюра не оставалась бы без лобзания «райской лозы...».

Более сдержанно, но не менее выразительно говорит о преподавании в абхазских школах Отчет Общества Восстановления Христианства за 1864 г.:

«Преподавание в этих (абхазских и самурзаканских) приходах идет неудовлетворительно, ученики механически учатся азбуке и чтению, а некоторые из них, не умея читать, затвердили наизусть одни лишь молитвы на русском и грузинском языках, смысла которых они однако совершенно не понимают»**.

Нельзя было ожидать иных «методов» преподавания в школах, где преподавателями были миссионеры и священники — люди, совершенно чуждые местному населению и сами почти неграмотные, поскольку, по словам того же отчета Общества Восстановления Христианства, ни один из священников, находившихся в 60-е годы в абхазских приходах — не имел никакого образования («в училище не обучались»).

Через двадцать лет после организации в Абхазии первых школ Общества Восстановления Христианства — в 1885 г. епископ имеретинский, которому был поручен общий надзор за абхазскими школами, так отвечал на запрос экзарха Грузии: «при всех обозрениях абхазских церквей я посещал школы Общества

* Мачавариани. — «Абхазия и народное образование в ней». Оттиск из журнала «Вестник воспитания» за 1892 г., стр. 12—13.

** Отчет Общ. за 1864 г., стр. 19.

Восстановления Православного Христианства на Кавказе и всегда приходил к тому убеждению, что они мало пользы приносят народу, большую частью по неудачному выбору учителей»*.

Характеристика епископа имеретинского, которого трудно заподозрить в пристрастии, подводит итоги «просветительной» деятельности православного духовенства в Абхазии в первый период после «восстановления» христианства на абхазском побережье.

Мало удовлетворительны были в 60-ые и 70-ые годы и итоги монастырской колонизации.

Монастыри должны были служить «самым важным залогом христианского просвещения, а, следовательно, и культуры здешнего края», — так образно выражался бывший наместник Троицко-Сергиевской лавры архимандрит Леонид в брошюре, посвященной Абхазии и Ново-Афонскому монастырю**.

Первый монастырь в Абхазии после «восстановления» православия был основан в Пицунде в 1872 г. В монастыре было прислано из России 9 монахов. Для организации монастырского хозяйства было отведено 250 десятин земли. Во время русско-турецкой войны (1877—78 г.г.) монахи Пицундского монастыря разбежались и монастырь был закрыт с тем, чтобы впоследствии, в 80-е годы, возобновить свою деятельность, но не в качестве самостоятельного учреждения, а в качестве монастырского подворья Ново-Афонского монастыря.

О деятельности Пицундского монастыря в 70-е годы не сохранилось никаких документов. Единственный дошедший до нас документ о пицундских миссионерах и монахах относится к 1869 г., т. е. ко времени еще до открытия монастыря. Этот документ рассказывает об избиении пицундскими миссионерами воинского начальника майора Воронова***.

«Смягчились» ли нравы пицундских миссионеров после организации монастыря — сказать трудно.

Во всяком случае, документов об этом нет, монастырь после себя не оставил об этом документального наследства.

В 1875 г. был организован Ново-Афонский монастырь, игравший впоследствии крупную роль авантюриста «цивилизования» (по выражению барона Услара) Абхазии во имя укрепления российского самодержавия.

Но и Ново-Афонский монастырь, получивший при основании 1327 десятин лучших земель побережья, в 1877 г., с началом войны, прекратил свою деятельность и эвакуировался.

* Центр. архив Абх. АССР. Фонд Им. Еп. Канц., 1885 г., д. № 21.

** Москва, 1885 г.

*** Центр. архив Абхазской АССР, Фонд Имер. Епар. Канц., 1869 г., д. №

Колонизация Абхазии значительно усилилась с 80-х годов прошлого столетия. Усилилась с этого времени и церковная колонизация.

В 1878 г. был восстановлен (эвакуированный во время войны) Ново-Афонский монастырь, в конце 1882 г. был основан Драндский монастырь, позднее Василисско-Златоустовский и Успенско-Моквинский; в Пицунде было организовано «подворье» Н.-Афонского монастыря.

О земельных имуществах Ново-Афонского монастыря говорилось ранее. Драндский монастырь получил около 300 дес. земли, другие монастыри также получили значительные земельные участки.

Начиная от Очемчир и почти вплоть до Адлера, где был основан Троицкий монастырь, также входивший в Сухумскую епархию, все абхазское побережье было покрыто монастырями и «монастырскими подворьями». В 1899 г. был возбужден вопрос об организации мужского монастыря и в Гаграх.

«Гагры заключают в себе очень много удобств для устройства здесь небольшого мужского монастыря на 40—50 человек, — писал обследовавший Гагры епархиальный наблюдатель Ястребов в своем донесении Арсению — епископу Сухумскому, — если казна согласится отдать под него полосу между 62 и 63 верстой, реками Жеукаром и Гагринишней, в 20 десятин, с противолежащим склоном горы в 100 десятин и вершиною ее»*.

Предприятие с организацией Гагринского монастыря не удалось. Конкурентом выступил сам принц Ольденбургский, сделавший заявку на организацию в Гаграх великосветского курорта; 10 ноября (ст. ст.) 1899 г. епископ сухумский получил от управления государственными имуществами Кутаисской губернии извещение о том, что «Гагринское укрепление и прилегающие свободные казенные земли предполагаются к отводу под санаторий»**. Тем не менее, приведенная переписка очень характерна для иллюстрации аппетитов монастырских дельцов в их стремлении к максимальному охвату прибрежной части Абхазии.

Крупнейшим монастырем побережья был Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь.

О его роли в Абхазии в 80-е и 90-е годы прошлого столетия так говорит официоз кавказского наместничества — газета «Кавказ» (1898 г. Корреспонденции «Туриста»):

«Кроме своего назначения, как центра православия в полуязыческой Абхазии, монастырь есть и важный культурный центр. В нем предпринимаются опыты разведения полезных растений... оказывается материальная и весьма су-

* Центр. архив Абх. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1899 г., д. № 179.

** Центр. архив Абх. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1899 г., д. № 179.

щественная помощь окрестным русским переселенцам... В монастыре живет до 300 монашествующих, до 400 послушников и несколько сот рабочих. Это настоящий, чисто русский, православный культурный пункт, имеющий, кроме религиозного и экономического, и весьма важное политическое значение. В Сухуме, в 1860—70 г.г., населенном почти исключительно русскими, теперь русских уже почти нет, и главным русским центром в Абхазии служит Новый Афон»*.

Эта корреспонденция интересна как показатель того значения, которое придавалось кавказским наместничеством Н.-Афонскому монастырю. Ново-Афонский монастырь в 80-е годы почти ежегодно видел в своих стенах представителей высшей правительственной власти императорской России. В 1882 г. в монастыре был великий князь Алексей Александрович, в 1884 г. глашноначальствующий Кавказского края — Дондуков-Корсаков, граф Шереметьев и др., в 1888 г. в монастырь приезжал император Александр III и т. д.

Монастырь становился действительно оплотом российского самодержавия на абхазском побережье. Вместе с тем, Ново-Афонский монастырь был в 80-е годы и центром церковного управления Абхазии.

В 1883 г. новые постройки монастыря, возведенные после войны 77—78 г., освещал сам епископ Гавриил, наиболее прославленный «просветитель» Абхазии в 60-е и 70-е годы, лицемерные приемы которого войдут в историю как наиболее отвратительный образец сочетания системы всяческого поощрения и задаривания принимавших православие с широким применением самых жестоких «внешних мер» по отношению к «упорствующим».

В 1886 г., после того, как в Абхазии — в целях наибольшего в ней укрепления «**очагов** православия» — была создана самостоятельная сухумская епархия, — первый сухумский епископ Геннадий избрал своим постоянным местом пребывания Ново-Афонский монастырь.

В последующие годы сухумские епископы ежегодно подолгу жили в монастыре, который считался, после Сухуми, их главнейшей резиденцией.

К развертыванию своей хозяйственной деятельности Ново-Афонский монастырь приступил немедленно же после войны 77—78 г.г.

В декабре 1880 г. монастырь испросил разрешение на выгонку спирта из «виноградной дроби» и фруктов («желая извлечь экономическую выгоду»).

В 1881 г. он получил разрешение на организацию грузовых рейсов по Черноморскому побережью Кавказа, в том же году в

* Цит. по И. Н. «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Капонитский монастырь», стр. 244—245. Москва, 1898 г.

Н. Афоне была организована пассажирская и грузовая пристань*.

В монастыре были организованы мастерские — кузнечные, слесарные; монахи усиленно занимались торговлей и пр. «предприятиями», имеющими очень мало общего с какой-либо «просветительской» деятельностью.

Через двадцать пять лет после основания Ново-Афонского монастыря К. Д. Мачаварини — человек очень религиозный и относящийся с большим почтением к церковным памятникам Абхазии — писал в своем «Описательном путеводителе по Сухуму и Сухумскому округу»:

«Словом, в распоряжении монастыря (Н.-Афонского) все земные блага, только такового были лишены бедное население Абхазии, бедные священнические приходы и бедный приходящий сюда люд»**.

О том, как в действительности помогал Ново-Афонский монастырь даже русским поселенцам, писал И. Н.*** в цитированном ранее произведении:

«Нужно видеть только, — говорит И. Н., — почти ежедневно появляющихся в Ново-Афонский монастырь за милостьюней, за кусочками хлеба, этих несчастных женщин и детей из Баклановки и Бамбор, чтобы понять их ужасное, безвыходное положение. Это едва движущиеся человеческие оставы, прикрыты лохмотьями; обуви почти никакой; на изможденных лицах — выражение одной безмолвной скорби и отупения».

Мало можно добавить к этой характеристике, данной современниками Ново-Афонскому монастырю.

Значительную хозяйственную деятельность развил и Драндский («Успенский») монастырь, который с 1894 г. был передан «в личное управление сухумского епископа со всеми правами настоятеля»****.

По отношению к окрестному крестьянству Драндский монастырь практиковал, не отставая в этом отношении от Н. Афона, самую беззастенчивую эксплуатацию. Грубость, невыплаты денег за работу, калеченье скота за потраву (буйволам за потраву «рубили хвосты»), издевательства, притеснение арендаторов монастырских земель — все эти крепостнические методы широко практиковались руководителем Драндского монастыря*****.

* Центр. архив Абх. АССР, Фонд Н.-Аф. Монаст., 1881 г., д. № 7.

** Мачаварини, «Описат. пут.». Сухуми, 1913 г.

*** Можно предполагать, что под псевдонимом «И. Н.» скрывался один из крупнейших церковников того времени.

**** Успенск. Драндск. Общежительни монастырь, Одесса, 1904, стр. 21.

***** Центр. архив Абх. АССР, Ф. Сук. Еп. К., 1905 г., д. № 153—154.

В 1905 г. абхазские церковники были в рядах наиболее реакционных черносотенных элементов и самым активнейшим образом содействовали борьбе царизма с революционным движением.

В середине февраля 1905 г. по всей Сухумской епархии был разослан протокол заседания от 9 февраля Грузинско-Имеретинской синодальной конторы, в котором указывалось:

«За последние два года жизнь церковная и общественная в Закавказье в пределах грузинского экзархата видимо сильно замутилась под влиянием противогосударственной и противоцерковной пропаганды, исходящей из социал-демократических и национально-сепаратистских кружков». В качестве средств для борьбы со «смутой» протокол указывал на необходимость «предложить священникам беседовать с верными сынами церкви, предостерегая от увлечения словами людей злонамеренных, разъяснять всю пагубность и великий грех противления богоустановленной церковной и гражданской власти». Необходимо «внушить пастырям церкви, — читаем далее в том же протоколе, — чтобы они собирали верных сынов церкви в христианские союзы, опираясь на церковные попечительства, на кружки ревнующих к славе и силе церкви христовой, объединить всех носителей положительных начал... членов причта, учителей, добрых прихожан, воодушевить их верою и бодростью, внушить им, что если злодеи и неверы не жалеют часто жизни и идут на смерть ради того, чтобы служить диаболу, то верующим в бога и жизнь загробную тем более и легче, и нужнее стать в защиту попираемой церкви, нужно поддерживать законную власть и не оставлять ее одинокую в борьбе со смутой»*.

Грузинская синодальная контора рекомендовала, таким образом, всем священнослужителям приступить немедленно к организации боевых черносотенных союзов из людей, готовых на «борьбу со смутой». Результаты такой деятельности священнослужителей были ничтожны, но это происходило не по вине церковников.

Параллельно с организацией черной сотни — через церковный «причт» — шло массовое распространение черносотенной литературы (листовки, брошюры — «Бога бойтесь», «Царя чтите», «Власти повинуйтесь», «Доброе слово рабочим людям», «Милостивые слова государя императора рабочим людям» и т. п.)*.

Не брезговали отцы святые и прямой слежкой за всеми лицами, которых они считали «политически неблагонадежными». Так, до нас дошло предписание епископа сухумского «местному

* Центр. архив Абхазской АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1905 г., д. № 77.

** Центр. архив Абхазской АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1905 г., № 77.

священнику строго следить за политическими убеждениями пасломника Шевешвили и секретно мне доносить»*.

Такая политика церковников не могла не вызвать и действительно вызвала ненависть со стороны местного населения.

Последнее справедливо видело в церковниках ближайших проводников политики царского правительства, верных слуг самодержавия, всемерно поддерживающих политический и экономический гнет царизма в Абхазии.

Население, прежде всего, начало борьбу с всевозможными поборами духовенства, которые ложились на крестьян тяжелым дополнительным налогом.

«Прихожане в последнее время, под влиянием социал-демократической партии, совершенно отказывают духовенству в плате за требо-исправления и взносах драмовых (налог в пользу духовенства — 2 руб. с дыма. А. О.) денег», — читаем в «Журнале заседания совещания об улучшении быта сельского приходского духовенства Грузинского экзархата» от 21 февраля 1905 г.

В Абхазии натуральный налог в пользу духовенства был заменен денежным с 1872 г.

В 1882 г. была в Сухумской епархии установлена «такса» на оплату «треб» (сверх «драмы») и заменившего ее денежного налога: венчание — от 5 до 10 руб., похороны — 3 р. и выше и т. д. Столь высокие цены за «услуги», оказываемые священниками населению, были совершенно непосильны, и абхазские крестьяне в 1905 г. начали жестокую борьбу с поборами церковников.

«Прихожане в церкви почти не бывают», — говорит отчет «О состоянии Сухумской епархии за 1905 год»**.

«Общее недостаточное положение церквей и причтовых помещений обуславливается бедностью прихожан и, главным образом, отсутствием у них доброго навыка к пожертвованиям на устройство и украшение церквей. Во многих церквях благочиния, по отсутствию у прихожан привычки покупать свечки и жертвовать что-либо на церковь, свечной операции, кошелькового и кружечного дохода почти не бывает», — читаем в отчете «О состоянии 3-го Сухумского благочиния за 1905 год».

Почти то же говорит и отчет за тот же год 2-го Сухумского благочиния: «В приходах абхазских приход не только не получает доход, но теряет свое собственное от боровства»***.

На уменьшение добровольных пожертвований жаловались и монастыри. «Монастырь содержится исключительно на добровольные пожертвования, которые в 1905 году заметно сократились», —

* Центр. архив Абхазск. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1906 г., д. № 106.

** Центр. архив Абхазск. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1906 г., д. № 106.

*** Центр. архив Абхазск. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1906 г., д. № 1.

печально констатирует «Годовой отчет Ново-Афонского монастыря»*.

Против наиболее злостных и иенавистных церковников устраивались в церквях демонстрации. Такие демонстрации имели место в Сухумском соборе 26 января 1905 года — против главы черной сотни епископа Арсения, и в Василисско-Златоустовском монастыре 26-го августа того же года.

Исключительный размах прияли в Абхазии в 1905—1906 г. факты вооруженных нападений на церкви и церковников.

В 1905 г., 5-го июня, было нападение на священника Цхирского прихода — Чхения, 16-го июля — на священника Набакевского прихода — Обладзе, 25-го июля — на священника Руруа, 6-го августа — на священника Руруа, 12-го сентября было нападение на скит Драндского монастыря, 26-го октября был убит игумен Драндского монастыря и т. д.**.

В 1906 г., 26-го марта, была ограблена Отобаевская церковь, 25-го марта — Начкаловская церковь, 14-го июля — Сухумская Епархиальная канцелярия, 6-го августа — Дуришская церковь и т. д.***.

Массовость таких фактов весьма характерна.

В самых дознаниях по поводу перечисленных нападений и грабежей имеются указания, что объектом нападений становились в первую очередь церковники — наиболее иенавистные для населения.

Так, согласно официального дознания об убийстве игумена Драндского монастыря, у убитого был целый ряд конфликтов с крестьянами: были факты отказа сдать в аренду земли, которые ранее («издавна») сдавались крестьянам, обсчеты при выплате денег за работу, факты грубого обращения с рабочими и т. п.

Архивные материалы Сухумской Епархиальной Канцелярии сохранили для нас ряд данных, характеризующих величайший моральный упадок среди церковных «деятелей» того времени.

Священник Виссарии Шентелия отдал в залог фельдшеру Иосифу Геер священническое облачение****; диакон Набакевской церкви Анджаниридзе давал взятку за проведение на должность старшины своего родственника*****; священник Туманов занимал

* Центр. архив Абх. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1906 г. д. № 1.

** Центр. архив Абх. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц. 1905 г., д. № 175.

*** Центр. архив Абх. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1906 г., д. № 63.

**** Центр. архив Абх. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1907 г., д. № 412.

***** Центр. архив Абх. АССР, Фонд Сух. Еп. Канц., 1913 г., д. № 432.

ся земельной спекуляцией* и т. д., и т. д. можно было бы без конца продолжить такую регистрацию.

Не отставали от «белого» духовенства в своих «действиях» и монахи.

«В январе месяце т. г. один иеродиакон, участвовавший при гулянии, в ночное время позволил с револьвера стрелять на проходивших поселян. В июне м-це т. г. иеромонах Никандр позволил притти к калитке моего двора и стал входить во двор, я стал задергивать, он меня стал ругать и намеревался палкой ударить, говоря, что я иду к своей духовной дочери... В июне м-це т. г. монахиня Параскева вечером убралась в подрясник послушника и в черную мужскую шляпу и выделявала какие-то фертикультыши»... — так писал житель сел. Дранды Иван Панцуре в своем прошении сухумскому архиерею, жалуясь на «поведение монахов Драндского монастыря**.

О нравах и-афонских «подвижников» и «пустынников» не могут умолчать даже официальные отчеты этого монастыря:

«В отчетном году монах Пимен самовольно удалился из обители для пустынничества, — читаем в одном из таких отчетов, — их примеру последовали некоторые из послушников, которые при самовольном подвижничестве приобретали такой нрав, что потом не могли уживаться ни в обители, ни в обыкновенной мирской жизни»***.

Об отношении абхазских церковников к церковному имуществу откровенно рассказывает отчет за 1911—12 годы «Совета Сухумского Епархиального Братства» — организации, имевшей своей целью «служение нуждам и пользам православной церкви и успехам народного образования в епархии».

«Вообще об абхазских храмах нужно сказать, что они находятся в состоянии «мерзости и запустения», — говорится в отчете, — то, что имеется в храме, содержится в страшном беспорядке: все покрыто густым слоем пыли, разбросано по всем углам храма» и т. д.****.

Не лучше обстояло дело и в церковных школах.

Вышедший в Петербурге в 1909 г. «Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие 1884 — 1909 г. г.» дает нам возможность привести ряд цифр, иллюстрирующих развитие в Абхазии (в «Сухумской епархии») церковно-приходских школ за ряд лет, начиная с 1887 года.

* Центр. архив Абх. АССР. Фонд Сух. Еп. Канц., 1913 г., д. № 434.

** Центр. архив Абх. АССР. Фонд Сух. Еп. Канц., 1905 г., д. № 219.

*** Центр. архив Абх. АССР. Ф. Сух. Еп. Канц., 1906 г., д. № 1/06.

**** Отчет Совета Сух. Еп. Братства за 1911—12 братский год. 1912 г.

«Су хум ская епархия»

Годы	Число церковно-прих. школ.	Число учащихся.
1887—88	21	564
1888—89	30	578
1889—90	22	553
1890—91	22	553
1891—92	33	643
1892—93	39	830
1893—94	35	764
1894—95	38	878
1895—96	36	1207
1897	73	2277
1898	71	2340
1899	86	2874
1900	87	3101
1901	94	3176
1902	104	3610
1903	110	4080
1904	110	4150
1905	109	3744
1906	110	3736
1907	110	4105
1908	108	4105

Начиная с 1904 г. число церковно-приходских школ и количество учащихся в них не увеличивается и даже имеет тенденцию к сокращению.

Что же это были за школы и кто в них учился?

Из 108 школ в 1908 г. было: двухклассных — 10, одноклассных — 63, школ грамоты — 35.

Из общего числа учащихся в том же году обучалось:

Мальчиков:

в начальных школах	— 2926
во второклассных	— 126

Всего	3052
-------	------

Девочек:

в начальных школах	— 1053
во второклассных	— —

Всего	1053
-------	------

Громадное большинство школ были одноклассные и школы грамотности; в 10-ти двухклассных школах обучалось всего лишь 126 мальчиков.

О постановке преподавания в этих школах свидетельствуют сами церковники:

«Церковные школы в воспитательном и материальном отношении далеко не завидны», — пишет благочинный 3-го Сухумского благочиния в отчете за 1905 год.

«В школах посещение учащихся неохотное», — подтверждает благочинный 2-го Сухумского благочиния.

Ново-Афонский монастырь еще в 80-х годах открыл школу на 20 учеников, в которой готовились будущие монахи. Школа имела монастырский режим. Основной целью, по выражению И. Н. (цитир. произв.), этой школы было «развитие в детях смирения». Что же касается науки, то об этом монахи и не помышляли.

Другие монастыри не имели даже таких школ, считая, что народное образование совершенно не входит в их функции.

Зато «хозяйственная» деятельность монастырей развивалась.

В 1913 году Ново-Афонский монастырь насчитывал до 700 чел. «братьев», не считая нескольких сот наемных рабочих. Монастырь имел каменоломни, водяную мельницу, кирпичный завод, чугунно-литейную мастерскую, механическую, столярную, токарную, слесарную, сапожную и портняжную мастерские, конский завод, кожевенный и алебастровый заводы пасеки, оливковые и мандариновые рощи. Виноградники монастыря давали ежегодно свыше 90 тысяч ведер вина. В 1911 г. монастырь стал продавать оливковое масло, в 1912 г. были устроены печи для сушки чернослива.

Драндский монастырь в эти же годы также имел до 300 монахов и эксплуатировал ряд промышленных предприятий — кузницу, бондарную, мельницу и т. п. В монастыре была книжная лавка и своя типография, фруктовые сады и виноградники.

Всемерно развивали свое хозяйство и другие монастыри, превратившиеся в богатейших помещиков побережья.

Иначе быть не могло.

Православная церковь была орудием колониальной политики царизма в Абхазии.

Эту функцию она выполняла в 60-е, 70-е годы, когда перед ней была поставлена задача привлечь к покорности русскому царю абхазское население, через обращение его, какими угодно средствами, в «православное» христианство.

Эту функцию выполняла она в 80-е и 90-е годы, создавая на абхазском побережье очаги мракобесия и эксплуатации, в 1905—1906 г.г. — борясь со «смутой» и организуя «черную сотню».

Эту функцию она выполнила и в последующие годы, усилив свою «хозяйственную» деятельность и прикрывая крестом зе-

мелльных спекулянтов типа священника Туманова и попытки к махинациям с ткварчельским углем, предпринятые в 1915 г. Моквинским монастырем, который ставил вопрос от отводе ему участка в Ткварчельской даче*.

В дореволюционный период церковники в Абхазии также ревностно служили делу колониального угнетения трудящихся, как впоследствии служили они белогвардейско-меньшевистской контрреволюции и интервенции, борясь за реставрацию в нашей стране власти капиталистов и помещиков.

Holy Metropolis of Abkhazia
www.anyha.org

* Центр. архив Абк. АССР. Фонд Сух. Еп/ Упр., 1917 г., д. № 52.

О ГЛАВЛЕНИЕ

Л. Н. Соловьев — Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии	3
И. Г. Антелава — Эпизоды из истории борьбы Западной Грузии против агрессии султанской Турции в XVII — XVIII веках	67
А. В. Фадеев — Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года	105
А. А. Олонецкий. — Православная церковь как орудие колониальной политики царизма в Абхазии	133

Holy Metropolis of Abkhazia
www.anyha.org